Королевская гончая

Автор:
Оливия Штерн

Королевская гончая

Оливия Штерн

Луиза не ее имя. То, что принадлежало ей, украдено вместе с воспоминаниями. Дарс Эшлин не ее мужчина – рабыне не стоит даже смотреть на брата самого императора. Но судьба непредсказуема. Учеба в самой престижной академии звездной системы подарит ей новых друзей и заставит вспомнить старые тайны прошлого. Она научится переступать через собственный страх и смотреть в глаза врагам, даже когда смерть дышит в лицо. Но, когда настанет время сделать выбор между долгом и любовью, что предпочтет королевская гончая?

Оливия Штерн

Королевская гончая

Глава 1

Император, проклятие, безымянная

– Вы все умрете, – глядя в объектив камеры, сказала королева. – Я об этом позаботилась. Империи конец. Скоро.

Пальцы Дарса дрогнули на панели управления, механически отматывая назад. В начало. Конец записи был неприятен, смотреть на умирающих – вообще

занятие специфическое, даже если умирает совершенно безумная королева, даже если от введенного в вену препарата. И снова:

«Вы все умрете».

Непоколебимая уверенность и фанатичный блеск светло-серых глаз. Тонкие губы, которые она то и дело сжимает в линию. Запавшие желтоватые щеки.

«Вы все умрете».

Дарс и сам не понимал, зачем раз за разом пересматривает эту запись. Ему казалось, что в последних словах королевы есть скрытое послание и что остался совсем маленький, крошечный шаг до того, как он сможет понять, расшифровать. Но нет.

Ни единой здравой мысли в голове, кроме той, что нужно держать под контролем Службу имперской безопасности. Что до королевы – ее было жаль. Она стала безумна, говорят, с того самого момента, как на выходе из сигма-тоннеля взорвалась шхуна. Тогда на борту помимо членов экипажа находились ее муж и единственная дочь. И тогда же королева обвинила во всем империю, мол, претендует на ее королевство. А потом она начала войну.

Что ж, единственным способом исцеления воинственных безумцев является смерть. По сию пору так ничего не изменилось с тех времен, когда жалкое человечество ютилось на единственной планете.

Но в ушах по-прежнему звучали ее последние слова.

Быть может, он что-то упустил?

Додумать ему не дали.

Настойчиво пискнул оповещатель, и Дарсу не оставалось ничего иного, как откинуться на спинку кресла, прикрыть глаза и провалиться в нейропространство. Интегрированный в черепную кость чип позволял проделывать такие штуки, даже не подключаясь к коммуникационной среде, что было весьма полезным для человека, отвечающего за безопасность короны.

В нейропространстве сегодня преобладали холодные сиреневые оттенки. Во всех измерениях переливались, мерцали агрегации данных, опутанные нитями открытых коммуникационных каналов. Это было похоже на кристаллы, дремлющие в паутине, – и такая же невесомая паутина тянулась от самого Дарса вглубь бесконечного радужного лабиринта, чья размерность, как известно, определяется количетвом участников открытых коммуникационных сеансов.

Дарс нырнул в открытый канал связи, провалился в слепяще-белую вспышку, а в следующий миг перед мысленным взором уже развернулась новая картина: небольшое помещение без окон и дверей, стены голые, серые, тускло блестят металлическим напылением.

Посреди комнаты стоял, заложив руки за спину, мужчина в темно-синем летном костюме. Здесь он выглядел так же, как и в жизни, только намного моложе: коротко постриженные черные волосы, идеально выбритое скуластое лицо. Хищный нос и вечно приподнятая, словно в насмешке, левая бровь. Синие глаза смотрят с хитрым прищуром – пронзительный взгляд, пластающий сознание. Мало кто этот взгляд выдерживает.

– Долгих лет императору. – Дарс поклонился.

– Долгих, долгих. Давай без формальностей. – Император поморщился. – Мы на защищенном канале, вряд ли кто-то еще подключится. Скажи, удалось что-нибудь узнать? Зацепки? С кем она поддерживала связь в свои последние дни? До того, как убежище разгромили?

Дарс пожал плечами.

Император тоже помнил о последних словах королевы.

Более того, они его изрядно беспокоили.

– Пока ничего. Есть мысли посмотреть на «Белые лилии», но не уверен, что у королевы с ними были какие-то дела. Впрочем, она ведь могла все это и просто так сказать. Ну, чтобы тебе кровь попортить. Чтобы запомнили, наконец.

Император тяжело вздохнул. А потом глянул пронзительно-жалко и сказал:

– Так уж получилось, что у нас нет с тобой наследников, братишка. Глядя на твоего сына, я даже пытаться не хочу. Но империя, наша с тобой империя, должна процветать. А для этого желательно, чтобы я или ты оставались живы еще лет десять.

От этих слов, от напоминания о судьбе сына как будто ржавым гвоздем провернули под ребрами. Дарс и рад бы отвернуться, но в нейропространстве куда ни глянь – везде будет собеседник. Бесполезно.

– Ничего не случится, – глухо пробормотал он, – мы отслеживаем все, что только можно.

Где-то на границе сознания пиликнул оповещатель. Зловещим зеленым огоньком. Дарс поймал сжатыми в щепоть пальцами новую невесомую нить канала связи, глянул виновато на императора.

– Прости… если это все, то я…

– Понимаю, – боль в синих глазах, – сын.

– Да, это из академии. – Дарс стиснул челюсти. – Что он там еще натворил? Честное слово, как с цепи сорвался…

– Я тоже хочу знать.

Дарс расщепил канал надвое, одну часть протянул императору, вторую приложил к неощутимому в нейропространстве виску.

– Сэр, это Ретри, – донеслось как будто издалека, – простите, сэр, что отвлекаю. У вашего сына уже третий день в апартаментах черт знает что творится, пьяная оргия. Он не желает никого пускать внутрь, сэр, было бы неплохо, если бы вы глянули. Жалобы начали поступать.

– Ну вот видишь, – Дарс поднял глаза на брата, – ничего хорошего. Да и не могло быть ничего хорошего. Тот день, когда мы с тобой встретили бионика, оказался

последним днем нашей нормальной жизни.

Император молча махнул рукой – мол, отправляйся к своему отпрыску.

Вся вина Дарса заключалась в том, что ему очень хотелось детей. Его предупреждали о рисках, но тогда… казалось, что все это неправда. В конце концов, облако изменений, выпущенное подосланным бионикoм, задело их с братом совсем чуть-чуть разреженным краем. Возможно, по замыслу убийцы, два консула, организовавшие переворот, должны были погибнуть сразу. Но не получилось. Проклятие, осевшее в крови, коснулось только сына.

Дарс Эшлин Квеон, младший брат нынешнего правителя империи Квеон, плеснул в лицо холодной водой, с силой провел по волосам пальцами. После выхода в нейропространство неприятно покалывало в висках, но это все ерунда, пройдет. Куда более важным было то, что Ретри, временно приставленный приглядывать за сыном, не справлялся. Затяжная пьянка в апартаментах академии – из рук вон плохо. Там ведь обучаются дети министров. Не всем понравится, когда у соседей на этаже дебош. Глядишь, и пресса влезет куда не надо, а там и самого императора начнут полоскать во всех медийных изданиях. В общем, надо было отправляться и приводить своего несчастного отпрыска в чувство.

Впрочем, у Клайва Эшлина было оправдание столь неподобающему поведению: когда знаешь, что тебе отмерено совсем мало времени до того, как превратишься в покрытого с головы до ног хитином акда, еще не то начнешь вытворять.

Настроение портилось с катастрофической скоростью.

Выйдя из ванной, Дарс покрутил на запястье контролирующий браслет.

– Магда, принесите мне, пожалуйста, мундир. Нет, не парадный. Вы не знаете, в чем я в ведомство хожу?

Еще примерно через полчаса, облаченный в идеально отглаженную форму Службы имперской безопасности, Дарс вернулся в кабинет, достал из сейфа точку входа в сигма-пространство. Ее изготовили в виде тяжелого перстня

обтекаемой формы, покрытого черно-золотыми витыми полосами. Это было удобно. Правда, для загрузки новых карт приходилось подключаться к терминалу.

Он водрузил кольцо на средний палец, привычно щелкнул ногтем по золотой завитушке. Пол под ногами провалился на мгновение, в лицо дохнуло холодом – и тут же сигма-тоннель схлопнулся, выплевывая его прямиком в апартаменты Клайва.

Поморгав и сфокусировав зрение, Дарс огляделся.

Спальня. Скомканная постель. На полу бардак – пустые бутылки, контейнеры с логотипом ресторана «Тарин», что на первом этаже. Пахнет сладковатым дымом айхи, местным легким наркотиком растительного происхождения. В углу, прислонившись к стене, мирно похрапывает незнакомый парнишка. Тишина, прерываемая звуками капающей где-то воды.

Хмурясь, Дарс перешагнул через пустую бутылку. Апартаменты были трехкомнатными, значит, Клайв или в гостиной, или в кабинете. Из спальни можно попасть в гостиную. Приторно-сладкий, с едва заметной горчинкой аромат айхи стал густым, и Дарс поймал себя на том, что злится. Очень и очень. Обкуренные придурки! Если только медийщики пронюхают, что единственный племянник императора употребляет эту дрянь… О, даже страшно представить, какой вой поднимется.

Дарс прислушался. Где-то продолжала капать вода. Тяжелые капли звучно плюхались на дно мраморной ванны. Паренек в углу всхрапнул, что-то невнятно пробормотал, сполз окончательно на пол.

В груди стремительно собиралась тревога. Слишком тихо. Почему не слышно Клайва? А если…

Он не дал себе додумать, что именно – а если. Резким движением толкнул дверь, шагнул в гостиную и с некоторым облегчением выдохнул. Клайв, живой и невредимый, сладко посапывал в кресле, подогнув под себя ноги. Отросшие смоляные волосы разметались по светлой обивке, на губах блуждала улыбка.
В соседнем кресле точно так же спал приятель и одногруппник Клайва Гай Вири.

Дарс усмехнулся. Трехдневная пьянка, говорите?

Ну, айха, это, конечно, плохо.

Но так… вроде все тихо-мирно. Небось Ретри уже и забыл, каково это – студентом быть.

И он уже шагнул было вперед, чтобы как следует встряхнуть великовозрастное дитятко, но взгляд скользнул по полу.

В груди стало как-то тяжело и хрустко-холодно.

Дарс невольно облизнул вмиг пересохшие губы.

Все сжалось внутри, сначала медленно, а потом быстрее, больнее… и с размаху рухнуло в ледяную пустоту.

На полу, среди контейнеров от пищи, среди оберток от плиток айхи лежала совершенно голая девушка. Ее тонкие руки, покрытые черными синяками, были растянуты в стороны и привязаны к ножкам кресел. Ссадины и кровоподтеки были повсюду – на бедрах, на животе. И следы от чьих-то зубов на молочной коже плеча.

Дарс медленно втянул воздух. Перевел взгляд на мирно посапывающего Клайва.

Нет, это невозможно. Его сын, его мальчик, малыш, которого он носил на руках. Его несчастный сын, получивший проклятие бионика.

Оказывается, возможно. Пропустил, недосмотрел, слишком занят безопасностью империи. Не увидел, когда мальчик превратился в монстра. Полностью его вина.

Сглотнув вязкую слюну, Дарс неслышно шагнул вперед, склоняясь над неподвижно лежащей девушкой. У нее было узкое породистое лицо, левую скулу украшал бордовый синяк. Черные ресницы слиплись стрелками, на щеках высохшие дорожки от слез. Он прижал пальцы к шее, выдохнул с облегчением. Жива. Но, дьявол, когда она очнется, когда выйдет из этой комнаты…

Что тогда?

Отвратительно. До леденящей, расползающейся по венам жути. До зубовного скрежета. И – все еще неприятие. Это не Клайв, он не мог, он не должен был…

Дарс мотнул головой. Что ж, надо было что-то предпринимать.

Еще один взгляд на сына.

Затем – на распятую на полу жертву.

От девицы нужно было избавиться, и как можно скорее. Она ведь не будет молчать, и через несколько дней вся империя – а это все же две звездных системы – будет в курсе, какие дивные родственники у императора.

«О чем ты думал, Клайв? Да и думал ли? Когда из маленького мальчика вырос идиот и насильник?»

Дарс присел на корточки, принялся отвязывать тонкие запястья от ножек кресел, время от времени посматривая на неподвижное лицо девушки… Да где же они ее взяли? Неужели сокурсница? Нет, нет, невозможно…

И поймал себя на том, что разглаживает багровые полосы, оставленные на бледной коже веревкой. Избавиться. Он ведь может. Служба безопасности и не таких перемалывала, а тут всего лишь девчонка. Взгляд помимо воли цепляется за след от укуса. Кто? Неужели Клайв? Так не хочется в это верить.
И одновременно понимаешь, что твоему ребенку осталось не так долго до того момента, когда он перестанет быть человеком, и что он в самом деле мог уже измениться.

Вызвать Ретри. Пусть… сделает так, чтобы никто и никогда не узнал о том, что в этих апартаментах была девица. Запись подтереть где нужно. Свидетелей убрать. Хм… Не слишком ли много хлопот?

А самое главное – не должен ли Клайв понести наказание?

Может быть, избавиться от девицы? А если это сокурсница? А если у нее папаша магнат? Ее будут искать, да и дело не только в этом.

Справившись с веревками, Дарс осторожно поднял девушку на руки – она оказалась очень легкой. Пальцы скользнули по позвонкам вверх, поддерживая голову, запутались в густых волосах. Перекидывая ее на плечо, Дарс вдохнул слабый запах ее тела. Яблоки и ваниль.

Избавиться, да. Но – хлопотно. И снова неясно, откуда эти придурки ее взяли.

Клайв продолжал мерно посапывать, откинув голову на пухлую спинку кресла. Справа, с груди на шею, медленно, но неотвратимо ползло желтое чешуйчатое пятно. Снизу оно уже доросло до пояса, и его никак не остановить.

Малыш, которого он таскал на руках, который звонко хохотал, скатываясь в бассейн по водяной горке… Дарс стиснул челюсти.

Поддерживая бесчувственную девушку за колени, свободной рукой он активировал сигма-тоннель. А вываливаясь обратно в свой кабинет, уже придумал, как поступить правильно. Ноздри щекотал едва заметный запах свежих яблок.

Клайв примчался к вечеру. Глаза горят, растрепан, рукава белоснежной рубашки подкатаны до локтей. И с порога кабинета:

– Где она? Это ты? Ты ее забрал? Только ты мог влезть ко мне, входная дверь была заперта!

– Садись. – Дарс указал на кресло. Сам остался сидеть за рабочим столом, положил руки на тонкую, словно мыльный пузырь, и прочную, как алмаз, панель визуализатора.

Клайв растерянно огляделся, затем подвинул к столу кресло и развязно в него плюхнулся.

– Где она?!! Ты что, ее отпустил? Вот просто так?

Несомненно, Клайву повезло, что он явился после того, как Дарс активировал медкапсулу и с руганью читал бегущие по визуализатору строки диагноза. Трещины в трех ребрах, многочисленные гематомы, а самое главное – и самое ужасное, что… Впрочем, к вечеру медкапсула выполнила все необходимые манипуляции с вверенной ей пациенткой, сейчас девушка спала в одной из гостевых спален, и Дарс немного успокоился.

– Как думаешь, сын, мне следует набить тебе морду? Или просто сдать тебя в службу безопасности? – негромко спросил он. – С каких пор племянник императора стал насильником?

– Это не я, – кажется, Клайв слегка побледнел, – не я.

– Предположим, верю. – И правда верил, потому что медкапсулу не обманешь, а следов деформированного генома на теле жертвы не обнаружилось. – Но ты там был, сын. И ты должен был остановить все это. Кто эта девушка?

Клайв привычным жестом взъерошил смоляные волосы, уже коротко стриженные. Синие глаза на миг подернулись дымкой – он думал. Затем пожал плечами.

– Не знаю, па. Я… мне сказали, что это рабыня. Мы были в порту, и я… выиграл ее в карты. Но мне кажется, что в данном случае нам просто подсунули проститутку, которая сильно задолжала кому-то.

Дарс откинулся назад, щурясь на сына.

Пожалуй, не врет.

Но вместе с тем все это совершенно не похоже на правду.

Племянник императора. И проститутка. Даже если так, скверная история.

Несет тебя совсем не в ту сторону, сынок. А как остановить?

– Тебе известно, что в империи запрещены любые формы рабства? – вкрадчиво спросил Дарс.

Клайв развел руками.

– Слушай, па. Мы были в порту, играли в ресторане. К нам подошел вполне себе гуманоидный мужик, предложил сыграть с ним. Сказал, что ему есть что поставить. Ну и проиграл мне. А потом приволок к нам в номер на поводке эту… Сказал, что его рабыня, привез из королевства Дирсах, и что теперь она наша. Вернее, моя. Вот и все.

– Рабыня, значит, – пробормотал Дарс, – что ж ты плохо следишь за своим имуществом? Дал другим попользоваться, а?

– Ну па, я ж не мог… отказать… он мой друг. Один из немногих, что остались.

– Ты идиот, – резюмировал Дарс, – и проклятие тут ни при чем. Мне жаль, что я вырастил сына-идиота. Племяннику императора недопустимо пятнать себя чем-то подобным, хоть это ты понимаешь? Да мало ли что придет в голову Вири?

Клайв вздохнул и сник.

– Более того, тебе известно, что в империи нет рабства, – холодно произнес Дарс, – но вы, кучка придурков, получили в руки неизвестно откуда взявшуюся девчонку и решили развлечься, так? И что, сладко быть хозяином?

– Я ее не бил, – упрямо пробормотал Клайв, – она и без того вся была в синяках, еще от прежнего хозяина досталось. А когда мы решили немного поиграть с ней, покусала Гая. Злющая. Ну он и объявил, что надо ее наказать.

Дарс поморщился. Наказали от души. Надо будет поговорить с этим… как его… Гаем Вири, а еще лучше – сразу с его почтенными родителями.

– Папа, – протянул Клайв, – так что теперь делать? Я как бы понимаю, что это была просто девка для развлечений. Но тот мужик уверял, что рабыня. Нельзя, наверное, ее просто так отпускать? Разболтает ведь.

– Ты уже сделал все, что мог. Далее тебя этот вопрос не касается.

– Она… здесь, да? В доме?

– Допустим.

Клайв подскочил, заметался по кабинету – а Дарс смотрел и тонул в печали. Мальчик очень похож на него. Жестами, повадками. Только вот к двадцати годам так и не поумнел. Видимо, мозги достались от мамочки.

– Я хочу ее увидеть, – наконец объявил Клайв, – мне кажется, я имею право.

– Ты не имеешь никакого права. И ты не имеешь права врываться в спальню к незнакомой тебе женщине. Ты ведь даже не удосужился узнать, кто она и откуда, так?

– А тебе она зачем? – И Клайв поднял левую бровь точно так же, как это делал сам Дарс. Под сердцем больно кольнула тоска.

– Как только она придет в чувство, я отправлю ее домой. Перед этим поговорю. Ты как-то все время забываешь, к какой семье принадлежишь и что будет, если обо всех твоих похождениях узнает пресса.

– Па, а если тот мужик не врал? Если она на самом деле рабыня и взял он ее где-то в королевстве Дирсах? Что тогда?

Дарс пожал плечами. Сохранять спокойствие удавалось все сложнее.

– Значит, она отправится в Дирсах. Теперь, когда королева мертва, это часть нашей империи.

– Черт…

Клайв почесал затылок. Посмотрел жалко.

– Похоже, я снова сглупил, да?

И тут же взгляд плеснул яростью – огненной, пылающей.

– Ну, конечно! Если сравнивать с тобой, великим и продуманным, я всегда буду идиотом! Зачем только…

Дарс знал, что последует дальше.

Этим всегда заканчивались их ссоры. Клайв начинал проклинать собственную жизнь, а заодно и тех, кто ему эту жизнь дал.

– Имей силы прожить так, как человек. Так, как подобает племяннику императора, – сухо сказал Дарс.

– Да что ты понимаешь! – взорвался отпрыск. – Ты думаешь, мне легко? Легко? Каждый день я просыпаюсь, а эта дрянь расползается все дальше и дальше! В кого я превращаюсь? Это ты виноват, ты! Со своим эгоизмом! Тебе так хотелось ребенка, хотя ты знал, что нельзя, а теперь я должен все это терпеть.

И внезапно всхлипнул.

Дарс продолжал сидеть неподвижно, хотя более всего хотелось вскочить, обнять, прижать к себе худощавое тело единственного сына. Про?клятого сына. И плакать вместе с ним.

Но он не мог.

Начнешь его жалеть, будет только хуже. Всем хуже.

– Я разберусь с девушкой, – спокойно сказал Дарс, – а ты сделай так, чтобы о ней забыли твои друзья. На этом все. Есть определенные границы, выходить за которые нельзя, Клайв. Не забывай, кто ты, и не забывай, кто я.

Глава 2

Обретая имя, обретая судьбу

Тело мелко подрагивало от пережитого кошмара.

Когда он начался, кошмар? Сложно сказать.

Она помнила Реми, который долго вез ее куда-то на старой шхуне, где, казалось, вот-вот иллюминаторы вывалятся. Несколько раз они проходили сигма-тоннели, и каждый раз на входе Реми, страшно ругаясь, платил пошлину, перечисляя по системной сети имперские кроны. После сигма-тоннелей Реми хватался за голову, глотал пригоршнями пилюли и зверел. Тогда самым правильным было спрятаться в уголке, сжаться с комок, и чтобы не нашел. Но он находил. Выволакивал пару раз за волосы, швырял на грязный пол, наваливался сам. Было больно. Она плакала, умоляла остановиться, но… кто ж будет слушать?

Потом высадка в крошечном порту, перелет в порт побольше. Реми запер ее в кладовке, которую арендовал на несколько суток. Она уж думала, что решил уморить. А он внезапно явился, нацепил на шею пластиковый ошейник с поводком и поволок куда-то по бесконечным лабиринтам плохо освещенных коридоров. Притащил в гостиницу, судя по количеству дверей, втянул за собой в номер. Там сидели трое молодых парней, роскошно одетых, и лица такие… красивые… не то что у Реми – свиная рожа с тройным подбородком и кривым носом.

– Вот, держи, – вручил конец поводка худощавому парню с пронзительными синими глазами, – делайте с ней что хотите. Только с цепи не спускайте.

– Э, Клайв, тебе повезло! – сказал кто-то. – Дашь попробовать?

Синеглазый, которого назвали Клайвом, безразлично пожал плечами.

– Разберемся. Приедем в кампус, посмотрим, что с ней делать. А откуда она? – и обратил взгляд на Реми.

– Королевство Дирсах, – сказал тот. – Нашел на разбитом корабле. Думал, что как-нибудь пригодится. Ну все, бывайте, парни. С вами было весело, но пора двигать дальше.

Она осталась с ними.

Клайв продолжал сжимать в кулаке поводок, все еще глядя вслед Реми, о чем-то думал. Она дернулась, когда чьи-то руки жадно стиснули ягодицы. Резко повернулась, избавляясь от ненавистных прикосновений, и встретилась взглядом с другим парнем, высоченным, она ему едва до плеча достает. Тоже ухоженный, красивый. Вьющиеся золотые волосы, глаза с прозеленью.

– Так что, дашь попробовать? – повторил он, даже не глядя на нее.

Клайв пожал плечами.

– Поехали домой. Разберемся.

И потянул за поводок.

А ей так хотелось, чтобы он ее просто отпустил. Снял с шеи пластиковое кольцо, от которого уже кожа слезает.

Всю дорогу они курили, пуская кольца приторно-сладкого дыма, а она сидела на полу каюты дорогого аэрокатера. Потом, уже ночью, долго брели по парку, теряясь в густых тенях, выныривая в широкие полосы света двух лун. Клайв немилосердно дергал за поводок, словно пытаясь удостовериться в ее присутствии, а ей каждый рывок отдавался тупой болью в сердце. Так хотелось верить, что он не такой, как Реми.

Ошиблась. Зря надеялась.

Сопротивлялась до последнего, кусалась, царапалась. Но они были сильнее. Привязали руки к тяжеленным креслам. Она все же умудрилась укусить «златовласку» за щеку, а другому разбить нос. После… Клайв просто вышел из комнаты.

Она всхлипнула. Подтянула колени к груди, обхватила себя руками за плечи и с ужасом поняла, что свободна.

Приоткрыть один глаз. Осторожно. Не делая больше резких движений.

А вдруг… он рядом? Этот… Клайв? И все это – очередное издевательство?

Потом пришло внезапное понимание, что больше ничего не болит. Вообще ничего.

Разглядывая из-под ресниц место, в котором очутилась, она видела стену, затянутую бледно-голубым пластиком, похожим на кожицу персика, темное окно, завешенное белоснежной кружевной занавеской, и край кресла, темно-синего, пухлого. На его подлокотнике лежала узкая женская рука с тонким колечком на мизинце, и колечко это блестело в неярком свете лампы.

Стало страшно.

Что ждет ее впереди?

Новый хозяин? Или хозяйка? Что они делали с ней, пока была в беспамятстве?

Облизнула губы, все еще не зная, что предпринять дальше. Лежать неподвижно? Или, может быть, попробовать сбежать? Но куда тут сбежишь, документов нет, даже имени нет. Оно, наверное, и было когда-то – да вот беда, себя она не помнила до того, как попала к Реми. Возможно, и правда он нашел ее на разбитом корабле? В спасательной капсуле?

Рука на подлокотнике дрогнула. Неведомая женщина как будто почувствовала, что ее разглядывают. Тихо скрипнуло кресло, освещение стало ярче, почти как днем, незнакомка поднялась и шагнула к ней. Серое платье до колен, белоснежный передник. Приятное высоколобое лицо с мелкими завитушками седых волос. Широко распахнутые, чуть навыкате голубые глаза. Редкие морщинки – в уголках тонкогубого рта, на щеках, как будто она очень часто улыбается.

– Мисс! Как вы себя чувствуете?

И голос приятный, словно мягкой кистью провели по коже.

Беспокойство во взгляде. Неподдельное?

Она сглотнула. Не молчать же, в самом деле, когда спрашивают. И с трудом вытолкнула несколько слов:

– Все хорошо, спасибо. А… где я?

Женщина улыбнулась, несколько мгновений рассматривала ее с интересом, затем спохватилась:

– Мисс, вы в хорошем, надежном месте. Ничего не бойтесь, здесь вам никто не причинит вреда. Если вы хорошо себя чувствуете, то я сейчас принесу сорочку и пеньюар, а затем позову хозяина. Он просил сказать, когда проснетесь.

«Хозяина».

Она невольно съежилась на постели, а по щекам потекли слезы.

Значит, ничего не изменилось. И она по-прежнему в руках того ослепительно красивого синеглазого мальчишки. Хотелось выть, биться головой о стену. Сделать с собой что-нибудь этакое… чтобы попросту перестать быть.

– Мисс, не надо плакать, – сказала женщина, – вам здесь ничего не угрожает, поверьте. Хозяин порядочный человек, к тому же… положение обязывает. Скажите, как мне вас называть, мисс? Я Магда, служу в этом доме вот уже пятнадцать лет. А вы? Могу я узнать ваше имя?

Она помотала головой.

Нет имени, увы. Может, и было раньше, до того, как нашел Реми.

Впрочем, Магда больше не стала приставать с расспросами, а торопливо вышла за дверь – чтобы через несколько минут вернуться с чем-то пенно-кружевным в руках.

– Вот, пожалуйста, мисс. Я помогу вам одеться.

– Не надо… – Горло саднило от невыплаканных слез. – Я сама. Пожалуйста, оставьте меня, пока буду одеваться. Я быстро.

В светлых глазах Магды мелькнуло понимание, и она неслышно выскользнула прочь из комнаты.

Тишина.

Хрустальная, успокаивающая.

Пальцы зарылись в невесомую пену кружев. Даже страшно подумать, сколько стоит такая красота. Наверняка несравнимо больше, чем тот проигрыш, за который ее отдал Реми.

Белый шелк скользнул по коже.

Сорочка оказалась довольно короткой, выше колен. Зато пеньюар с широкими рукавами окутал невесомым облаком почти до пят. Она запахнула его на груди, затянула на талии шелковый поясок с кисточками. Собиралась было вернуться в постель, но в дверь настойчиво постучали. От этого тактичного «тук-тук» кровь бросилась в голову, слюна приобрела противный железистый привкус.

– Можно войти?

Мужской голос. Низкий, звучный.

Она огляделась и на всякий случай отошла к самому окну, оставляя кровать между собой и дверью.

Откашлялась и хрипло ответила:

– Да, пожалуйста.

Дверь начала медленно открываться.

Первое, что пришло в голову при взгляде на вошедшего, – неведомые боги, в которых все еще верят на просторах этой галактики, ну просто дивные шутники.

Хозяин, о котором говорила Магда, был абсолютной копией того красивого мальчишки. Только постарше.

Нет, не старый. Скорее просто взрослый, серьезный. Виски тронуты ранней сединой. Четко очерченные скулы. Левая бровь приподнята. И ноздри аристократического носа хищно раздуваются, словно почуяв добычу. Она невольно съежилась.

Мужчина окинул ее изучающим взглядом, затем сказал:

– Добрый вечер. Пожалуйста, сядьте. Возможно, разговор будет долгим, а в ногах правды нет.

И было в его интонациях нечто такое, чему просто невозможно не подчиниться.

Она осторожно присела на край постели. Между ними по-прежнему оставалась кровать. Он хмыкнул, подвинул кресло и сел.

– Мне искренне жаль, что приходится затрагивать столь неприятную для вас тему, но я хочу услышать, каким образом вы оказались в апартаментах моего сына.

«Сын, значит, – подумала она, – неудивительно. Так похож».

Стало совсем горько. Если мальчишка не снял ошейник, то этот уж точно не отпустит. Реми лупил от души, но было терпимо, а этот… если даже раз ударит, мало точно не покажется.

– Я слушаю, – напомнил о себе хозяин, – расскажите все как было. Только правду.

Она вздохнула.

И начала с того момента, как Реми отдал ее тому красивому, но, к сожалению, жестокому парню.

Хозяин терпеливо выслушал, хищно щурясь, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

– Значит, не соврал… – И тут же нахмурился. – Вы понимаете, что я не могу поверить на слово? Мне придется провести процедуру считывания вашей памяти. Все, что вы рассказали, звучит невероятно – тем более невероятно в империи Квеон. А что было до… Реми, вы не помните?

Она покачала головой.

– Нет, сэр. Простите.

– Извиняться не за что.

И умолк, размышляя о чем-то.

А она исподтишка рассматривала своего нового, выходит, хозяина.

Обратила внимание на кисти рук, сильные, ухоженные, с аккуратно постриженными ногтями. Взгляд поднялся выше к вольно расстегнутому вороту кипенно-белой рубашки, к открывшемуся уголку смуглой кожи. На шее тускло поблескивала цепочка, убегая под рубашку, и ей вдруг стало интересно глянуть – а что там? Медальон? Идентификатор?

– Послушайте, – она храбро встретила усталый взгляд пронзительно-синих глаз, – что я могу вам предложить, чтобы вы навсегда забыли о том, что произошло?

Она вздрогнула. Нелепый вопрос. И ответила даже прежде, чем успела подумать:

– Вы на самом деле полагаете, что все это можно забыть?

Хозяин поморщился.

– Я понимаю. Я пытаюсь предложить вариант, который устроит всех нас. В любом случае не забывайте о том, что я могу просто стереть ваши

воспоминания. Насильно. Но я не хочу… вам и без того досталось. Поэтому я спрашиваю, на что вы готовы обменять ваше молчание.

Она не понимала. Зачем он спрашивает? Он – хозяин.

И повторила это вслух.

– Здесь нет рабства, – он сцепил пальцы домиком и устало посмотрел на нее, – вы совершенно вольны идти куда вздумается. Я дам вам некоторую сумму… скажем, это будет возмещение причиненного ущерба, физического и морального. В обмен, сами понимаете, на молчание. Так что скажете?

– Но мне некуда идти, – пробормотала она. – Я всегда мечтала о свободе, но… если вы меня просто так отпустите, куда я пойду? Я никогда не была в империи Квеон. Кем я тут буду?

– Вы можете вернуться домой.

– Я понятия не имею, где мой дом.

Мужчина разглядывал ее, склонив голову к плечу. Затем вдруг усмехнулся.

– Вот, знаете… Если мы сейчас проверим вашу нейроматрицу и убедимся в том, что каждое сказанное вами слово – правда, то я, пожалуй, смогу вам помочь.

– Я готова. – Она пожала плечами.

Действительно, чего ей бояться проверки?

Все, что она говорит, – чистая правда.

– Чтобы быть свободным гражданином империи, нужно иметь хорошее образование, – медленно произнес хозяин. – Вы хотите учиться?

И тут что-то словно взорвалось внутри. Радужный шар, наполненный теплом, радостью, мелкими щекотными пузырьками, что заставляют кровь быстрее

бежать по венам.

Учиться!

Кажется, когда-то… в той, другой жизни… она училась.

Ведь не просто так осели в памяти многие технические термины.

Странно, правда? Себя не помнит, а то, что выучила когда-то, – пожалуйста.

И, едва веря собственной удаче, прошептала:

– Вы… правда можете… это устроить?

– Могу. Ну так что?

– Я согласна, – выпалила она, боясь, что хозяин передумает, – согласна!

– И никто никогда не узнает, что было в апартаментах Клайва?

– Клянусь.

Она не раздумывала.

Но ведь оно того стоило, верно?

Мужчина усмехнулся, покачал головой.

– Вам будет непросто. Там, куда я вас определю, вообще непросто. Но зато перспективы просто шикарные. Готовы бороться?

– Да, да!

Не в силах справиться с охватившей ее эйфорией, она вскочила на ноги, прошлась по комнате, затем стиснула руки на груди и повернулась к нему.

Хозяин – или уже не хозяин? – с легкой улыбкой наблюдал за ней.

И – боже мой! – в те мгновения показался невероятно, непостижимо красивым.

До легкой, тянущей и сладкой боли в груди.

– Вы прямо сияете, – добродушно сказал он. – Я рад, что мы пришли к соглашению. Но все же придется проверить вашу матрицу, а потом еще пройти тестирование. Вам придется выбирать специализацию, а для этого нужно понять, где вы сможете учиться.

Она улыбнулась.

– Я готова. Проверяйте!

– Нет-нет, не прямо сейчас. – Кажется, он даже смутился. – Уже ночь, проверка займет несколько часов. Давайте вернемся к этому вопросу утром. Я буду ждать вас за завтраком, вы ведь не откажетесь со мной позавтракать?

Мотнула головой.

Да за такие перспективы – все что угодно.

А завтрак – это такая малость.

– Хорошо.

Он поднялся, кивнул на прощанье.

– Доброй ночи. И прошу прощения, я так и не узнал, как вас зовут. Мне придется подготовить вам новые документы, а я даже не знаю…

– Я тоже не знаю, – вырвалось горестное. – Я не помню, как меня звали.

Удивленно приподнятая левая бровь. Точь-в-точь как у сына.

– Честно, не знаю. – Она растерянно развела руками. – У меня нет имени.

Он пожал плечами.

– Я понял. Значит, будет. Доброй ночи, мисс.

Она проворочалась без сна до рассвета. Да и как тут уснешь, когда судьба повернулась светлой стороной, когда несколько сказанных слов переворачивают жизнь с ног на голову?

Еще вчера… вещь.

Завтра, возможно, свободная женщина с отличными перспективами.

Он сказал, что будет непросто. Но она не боится. Справится. В конечном счете должна же она переиграть эту злобную суку под названием судьба?

Она даже вскакивала с постели, подходила к окну, вглядывалась с надеждой в небо – а ну как светает?

В темном бархате мерцали незнакомые звезды, складываясь в рисунки неведомых созвездий, две луны разливали голубоватый свет. Если присмотреться, то далеко, за черными макушками высоких деревьев, светили огни большого города. В доме стояла ватная тишина, изредка прерываемая испуганными вскриками ночных птиц.

Ей захотелось открыть окно, вдохнуть полной грудью воздух свободы – но не решилась. А вдруг это запрещено и тот замечательный мужчина, что пообещал учебу, рассердится?

Она привалилась спиной к шершавой на ощупь стене, закрыла глаза. Какой уж тут сон…

«Доброй ночи, мисс».

Низкий голос, от которого становилось приятно и щекотно в груди, все еще звучал в ушах. И несмотря на то что этот замечательный человек выторговал ее молчание, все равно было легко и радостно на душе. Она вновь стояла на пороге, распахивая дверь в светлое, новое, волнующее…

Наконец она снова легла в кровать. Спальню медленно затопили предрассветные сумерки, глаза начали слипаться. Тело сделалось легким, почти невесомым, и, словно с горки, она соскользнула в сон.

Ее крепко держат.

Нет, руки и ноги привязаны к жесткому креслу. Голова зафиксирована в металлических зажимах. Над ней склоняются незнакомые люди в стерильно-белых комбинезонах. Раздается тонкий, едва слышимый визг – так может звучать только крошечный бур. К лицу стремительно приближается сверкающий инструмент, он пищит, точно комар, вгрызается в лоб прямо под линией роста волос. И сквозь этот кошмар, как будто завернутая в плотный ватный кокон, она слышит свой собственный вопль:

– Мама! Мамочка! За что-о-о?!!

Она забилась, стремясь вырваться из крепко держащих ее рук.

– Нет! Не-э-эт! Мама!..

Сон и явь смешались. Отвратительный стрекот инструментов, запах антисептика, склянки с цветными лекарствами. Руки прижаты к бокам, зажаты в тисках. Горячих. И сквозь рвущийся из горла вопль слышится мягкое:

– Ш-ш-ш, тихо. Это сон. Всего лишь сон.

«Дыши», – приказала она себе.

Конечно, сон. Но тогда почему же не двинуть ни рукой, ни ногой? Странный сон. Даже в самую черную полосу жизни на борту шхуны, когда Реми куда-то вез ее, кошмары не снились. А тут на? тебе.

Она с опаской открыла глаза, и первое, что увидела, был ворот белой рубашки, уголок гладкой загорелой кожи, тусклый блеск старой на вид цепочки. Едва соображая от ужаса, рванулась прочь от мужского тела, от крепких рук.

– Пустите!

И тут же, никем не удерживаемая, плюхнулась на мягкую перину, утонула в воздушном одеяле. Хозяин медленно поднялся, сунул руку в карман. Еще через минуту он спокойно сидел в кресле, а в молоке подступающего рассвета тлел алый огонек на кончике дорогой сигары.

– Я не хотел вас пугать, простите. Но вы кричали так, что перебудили весь дом.

Она сжалась в комок. Как нехорошо вышло. Он наверняка не хотел ничего плохого, а она повела себя как истеричка. Хотя… и сама не ожидала, каким неприятным покажется простое прикосновение.

– Простите, – выдавила виновато. – Я не хотела… простите…

– Но меня вы не разбудили. – Он неторопливо выдохнул колечко терпкого дыма.

– Вы не спите по ночам?

Со своего места она могла любоваться безупречным профилем хищника. Интересно, кто он? И нужно ли его бояться? Интуиция подсказывала, что да. Бояться… нужно. Обязательно.

– В моей жизни тоже было немало неприятных моментов, – нехотя ответил он, – перед рассветом они частенько всплывают в памяти. Я, наверное, должен еще раз принести извинения за своего отпрыска. И я прекрасно понимаю, что одних извинений слишком мало. Но уверяю вас, больше ничего подобного не случится.

Она помолчала.

Кошмар постепенно отступал, ночь уносилась прочь, уступая дню. Комната озарилась золотистым светом, принося веру в хорошее.

– Вам сделали идентификационную карту, – негромко проговорил хозяин, – на имя Луизы Вивьен Мар. Вы круглая сирота из весьма старинной семьи с Хелиора, это аграрная планета на границе с королевством Дирсах. Ну и поскольку вас ничто там не держало, решили прибыть на Рамос, чтобы обучаться в Академии контролируемых изменений.

Она слушала и не верила собственным ушам.

Этот человек только что играючи дал ей имя, дал родословную, а заодно и надежду на будущее. Впору бухнуться в ноги и целовать его туфли.

– Полагаю, этого довольно за молчание?

Она кивнула.

Все еще не верилось.

Попробовала повторить про себя имя. Луиза Вивьен Мар. Красиво. Очень женственно и даже загадочно.

– На время обучения на ваш депозит будут поступать необходимые средства. Вы сможете нормально жить все это время. Правда, без особого шика, – так же спокойно продолжил хозяин, – потом, когда завершите курс обучения, сможете устроиться на работу в любую приличную корпорацию. А если будет желание, примете участие в исследовательских экспедициях. Многие выпускники академии именно так и поступают, потому что там широкое поле для деятельности.

– Спасибо, – прошептала она, – спасибо…

Он приподнял левую бровь.

– Но все это, разумеется, после считывания вашей нейроматрицы. После того как я буду уверен в вашей правдивости.

Ей хотелось крикнуть – верьте мне! Я не обманываю, я на самом деле ничего не помню! Но осеклась. Она не будет вести себя как истеричка. Будет спокойной,

воспитанной девушкой и постарается забыть все то, что с ней сделали.

Вскинула на него взгляд. Усталость и тоска в глазах. Челюсти упрямо стиснуты. И вдруг – странное, не поддающееся объяснению чувство, что с ним что-то не так. Болезнь? Предчувствие скорой гибели? Она не знала и не могла понять. Но тревога уже засела под ребрами скользкой личинкой, пустила тонкие колючие корешки.

«Что с тобой не так?»

– Мы… прямо сейчас пойдем проверяться? – спросила тихо.

В лицо повеяло хрустальной свежестью утра в лесу.

– Лучше это сделать до завтрака, мисс Мар. После считывания иногда тошнит, но ничего не поделаешь.

Глава 3

Лети, птичка!

Ночью часто совершаешь поступки, о которых приходится потом жалеть. Спрашивается, за каким чертом его понесло среди ночи в гостевую спальню? Неодолимо хотелось посмотреть, как девчонка спит. А еще до этого ее облик отпечатался и намертво прилип к сетчатке – худенькая, утопающая в белоснежной пене кружев, черные волосы рассыпались по плечам. И глаза – огромные, детские, зеленые и оттого, наверное, немного порочные. Конечно, самым правильным решением было бы избавиться от нее. Чуть менее правильным – подтереть память, чтобы ступила в новую жизнь, совершенно не помня себя прежнюю. Но вроде договорились. Обещала молчать. Стирать память насильно казалось как-то… подло. Недостойно брата императора. Но если бы уперлась, то стер бы.

А потом, сильно за полночь, приснился старый сон. Вот они, два молодых консула, крадутся по дворцовым лабиринтам. За ними – отряд. Дворцовый

переворот – такая непредсказуемая штука, никогда не знаешь, повезет или нет. Но тогда что-то нужно было делать. Старый император медленно выживал из ума, несмотря на все процедуры омоложения. Три сотни лет, как ни крути, в его организме почти не осталось родных органов. Даже кожа была синтезирована. Некоторые участки коры головного мозга пересаживали, а они приживались не так хорошо, как хотелось бы. Империя замерла на краю обрыва, казалось, вот-вот все рухнет. Надо было что-то делать. Кто-то должен был взять на себя ответственность.

Но они оказались не готовы к тому, когда из-за поворота на них вышел бионик.

Вернее, никто не знал тогда, что щуплый бесцветный человечек обладает даром изменять живое.

Да и не было их в империи, самый загадочный орден – только там воспитывали и обучали таких – находился где-то в системе Крайстон, а уже оттуда они, как тараканы, расползались по галактикам.

Но каким-то невероятным образом бионик оказался на страже императорских покоев.

И никто – ни он, ни брат – не поняли, что это бионик. Ровно до тех пор, пока не накрыло удушающим облаком проклятия.

Ощущать, как меняется, крошится и тут же перестраивается твой геном, – больно. Свет меркнет перед глазами, грудь бионика начинает дымиться, потому что в него стреляют. И все.

Он проснулся с криком. Снова вдыхал отравленное облако, снова плавилась кожа, снова менялся он сам – незримо, но необратимо. Сердце колотилось где-то в горле, грозя выскочить.

Нащупал коробку с сигарами и, лежа в промокшей от пота постели, закурил, глядя в темный потолок.

Хронограф показывал три часа утра по Рамосу.

Почему бионик? И почему, даже если бионик, то ограничился изменяющим проклятием, а не положил весь отряд?

Напрашивался ответ, что бионик вовсе не охранял императора. Возможно, прибыл во дворец для решения каких-то вопросов, связанных с орденом.
А может, и не умел он ничего, кроме как проклинать… теперь уже не разберешься. Все в прошлом, ничего не изменить. И сын медленно, необратимо превращается в акда. Когда процесс завершится, он перестанет быть человеком, потеряет способность мыслить как человек. Придется отправить его в систему Арзан-туэ, которую, собственно, облюбовали эти негуманоиды.

Дарс нервно докурил сигару, сел на постели. Понятное дело, что спать уже не получится.

И вот тогда ему захотелось пойти и проведать гостью. Просто посмотреть, как человек может спокойно спать.

Дверь открылась бесшумно. Он, затаив дыхание и мысленно обругав себя, проскользнул в спальню. Право слово – ну что за глупость? Хочется посмотреть на спящего человека – пойди к Магде. Вот уж у кого сон, как у младенца. Но нет. Понесла нелегкая.

В огромной кровати девушка казалась совсем маленькой. Свернулась как эмбрион, подтянув колени к животу, острые локти прижала к груди. На белых простынях темнели узкие лодыжки. Жалкая, беззащитная.

Непреодолимо захотелось закурить. Снова.

И – электрическим разрядом по позвоночнику – совершенно иррациональное, недопустимое желание взять ее на руки, прижать к себе, согреть…

«Идиот, идиот вселенского масштаба», – подумал Дарс, отворачиваясь.

Вместо того чтобы размышлять о том, что слишком все гладко в истории ее появления на Рамосе, воображение рисует умильные, слащавые до отвращения картинки.

Внезапно дыхание спящей сбилось. Худенькое тело вытянулось струной, руки взметнулись так, словно она во сне отбивалась от кого-то.

– Мама! Мамочка! За что-о-о?!!

Она выгнулась дугой, заскрежетала зубами. Это уже походило на припадок, и Дарс, усевшись на кровать, поднял ее, подсунув руку под горячий затылок. Голова запрокинулась, она вырывалась и царапалась, продолжая хрипеть.

– Нет! Не-э-эт! Мама!..

«Значит, во сне ты что-то помнишь».

Он все крепче прижимал ее к себе, вдыхая слабый аромат ванили и яблок. Опомнившись, разозлился на самого себя. Встряхнул ее как следует. И тут же – «отпустите».

Определенно, нужно выкурить еще сигару.

И вот она решительно вышагивает чуть позади, шлепая мягкими пушистыми тапочками. А ему приходится заставлять себя смотреть вперед и не оборачиваться каждую секунду. Смотреть на нее… интересно. Следить за тем, как меняется выражение лица, как мелькают тени в зеленых глазищах. И все это вместо того, чтобы вызвать Ретри и дать ему самое простое задание: чтобы никто и никогда ее больше не видел. Зачем тебе эти игры, Дарс? Вот зачем?

Перед дверью кабинета он все же оборачивается. Луиза Вивьен Мар серьезно смотрит на него снизу вверх. Она немного боится, руки, сцепленные в замок, слегка подрагивают. Нервничает. Но, надо отдать ей должное, не так, как если бы была в чем-то виновата. И Дарсу отчаянно, как мальчишке, хочется верить в то, что девчонка чиста, не работает на врагов империи, не вынашивает планы по уничтожению императора.

«Да у тебя, друг, паранойя».

Молчание затягивается. Надо срочно сказать хоть что-нибудь, но она опережает.

– Будет… больно?

– Если у вас есть встроенный интерфейс с нейропространством, то будет неприятно. Если такового нет – то да, неприятные ощущения усилятся.

– Дело в том, что я не помню… есть ли он у меня… – и удрученно качает головой.

– Сейчас разберемся, – кивает он и прислоняет ладонь к сенсорному замку.

Панель загорается зеленым, и тяжелая дверь с мягким шипением отъезжает в сторону.

Не удержавшись, он оборачивается к Луизе – на худом личике удивление, граничащее с благоговением.

Ну да. Рабочий кабинет обустроен так, как полагается.

Она спокойно опустилась в кресло перед считывающим терминалом, положила руки на колени. Дарс уже сидел напротив, перебирая виртуальные панели управления, сдвигая их, невесомые и неосязаемые, в нужном порядке, пока наконец не нашел нужную.

– Если интерфейс есть, сейчас он будет обнаружен и подключен, – пояснил, глядя на ползунок индикатора поиска. – Есть!

На панели жарко полыхнула надпись «соединение установлено».

Дарс улыбнулся девушке:

– Ну что ж, мисс Мар, все, что вам остается, это закрыть глаза и расслабиться.

Тонкие руки дрогнули в ворохе белых кружев.

– Я буду… без сознания?

– Не стоит беспокоиться. Как я уже говорил, с вами ничего плохого уже не случится. Но я должен убедиться, что вы не несете опасности для империи. Мне нужно пропустить вашу нейроматрицу через анализатор, понимаете?

Вместо ответа Луиза положила руки на широкие подлокотники и закрыла глаза.

– Давайте начинать, сэр.

Он ткнул пальцем в свернутое окно анализатора, разворачивая его настолько, насколько позволял размах рук. Не то чтобы зрение подводило – сорок лет, считай, – только начало жизни – но гораздо удобнее, когда информация отображается крупными символами. Так, чтобы сразу все было видно.

Луиза вздрогнула в кресле, когда анализатор присосался к ее нейроматрице, копируя каждое сохраненное состояние мозга, одновременно с этим проводя агрегацию и выстраивая регрессионные ряды.

Пока что ей не было больно… Больно будет потом, когда все закончится, но на этот случай у Дарса всегда была припасена капсула с обезболивающим.

На панели появились первые диаграммы, слоистые и разноцветные, как торт. Верхние слои – ярко-синие, сохранившие состояние организма за последнюю пару месяцев. А вот чуть глубже… Это уже было интересно. Затемненные пятна, воронки, а прямо из них торчат шифрованные триггеры, которые обязательно сработают при наступлении определенных событий. Каких? Не известно никому. Интересно, кто все это с девушкой проделал? Да и вообще очень хорошо поработал над памятью девочки, прежде чем отправить ее с Реми.

Дарс нащупал коробку с сигарами, закурил.

То, что показывал анализатор, нравилось ему все меньше и меньше.

На первый взгляд, выходило так, что кто-то перемалывал память Луизы по меньшей мере дважды: один раз, чтобы закодировать некоторые воспоминания, и второй – с повторной кодировкой, но уже других, более свежих воспоминаний. И если вскрыть повторную кодировку, то раскроются и области первичного шифрования – то есть Луиза вспомнит все.

Дарс выругался.

Ключа к шифру конечно же у него не было.

И девочка – ох непростая это девочка – либо была разменной монетой в чьей-то игре. Или, наоборот, тузом в рукаве, который выпрыгнет чертиком в нужное время. А уж тогда… Что тогда? Об этом могли знать только те, кто все это затеял.

Дарс хмуро курил, вглядываясь в изображения, что одно за другим выдавал анализатор. Дело дрянь: он, брат императора, сам принес в свой дом, возможно, бомбу замедленного действия.

Да, она совершенно не опасна, пока тот, кому это нужно, не вскроет зашифрованные области ее памяти.

Но потом… Что угодно.

С другой стороны, что может сделать худенькая девушка? Императора хорошо охраняют.

Да и сам он далеко не беззащитный котенок. Хотя от бионика не уберегся.

Он раздавил в пепельнице окурок, отмасштабировал на панели изображение. Интересные такие конусы, чем глубже, тем меньше света, оттенок спелой черники. Кто ж ты такая, Луиза Вивьен Мар?

Больше всего сомнений вызывали торчащие из зашифрованных областей усики триггеров. Они уводили в темноту и область беспамятства, сколько ни гадай, никогда не узнаешь, что там спрятано и на какое событие сработает. Впрочем – Дарс ухмыльнулся – недаром он был квалифицированным специалистом.

Усевшись поудобнее, он выдвинул сенсорную клавиатуру, голографическую, совершенно невесомую, и начал настукивать свой собственный код. Его Дарс планировал объединить с триггерами, сделать их продолжением. По срабатыванию триггеров девушку должно было парализовать. Жестоко, конечно, но в соответствии с правилами Службы имперской безопасности

альтернативой параличу была только смерть. Убийство же Луизы ассоциировалась почему-то с убийством собственного сына.

Дарс выдохнул с некоторым облегчением, когда внес изменения в нейроматрицу девушки. Теперь стоило подключиться самому, чтобы, черпая случайные воспоминания, убедиться в правдивости ее рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/korolevskaya-gonchaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить